

Эмоциональный интеллект: черта или способность (к результатам русскоязычной адаптации опросника «черты эмоционального интеллекта»)

Е. А. Крюкова, М. А. Шестова, Т. В. Корнилова

На основе результатов валидизации полной версии опросника К. Петридеса и А. Фернхема «Черты эмоционального интеллекта» (ЧЭИ) на российской выборке (N = 482) рассматривается проблема понимания ЭИ как способности или личностной черты. Продемонстрирована конвергентная валидность шкал опросника со шкалами опросника ЭмИн Д. Люсина. Установлены также связи (n = 253) со стилями совладания с неопределенностью при принятии решений — ПР (по Мельбурнскому опроснику принятия решений — МОПР) и имплицитными теориями эмоций — ИТЭ (по опроснику М. Тамир), позволяющие говорить о позитивной роли эмоционального интеллекта (ЭИ) в стилевой и эмоциональной регуляции ПР. Выявлены положительные связи характеристик ЭИ по методикам ЧЭИ и ЭмИн, что предполагает возможность более широкой трактовки ЭИ в качестве черты, но не отрицает и трактовки ЭИ как способности.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, стили принятия решений, имплицитные теории эмоций.

В отношении эмоционального интеллекта (ЭИ) выделяют модели способностей и смешанные модели. В моделях способностей этот конструкт отнесен к набору когнитивных способностей, т. е. характеристик, связанных с познанием, направленным на эмоциональную сферу (Mayer, Salovey, 1997). ЭИ в модели Мэйера — Селовея — Карузо описывается четырьмя основными факторами: способность к идентификации эмоций, способность использовать эмоции для фасилитации мышления, способность к пониманию эмоций и способность к регуляции эмоций; причем эти элементы проявляются как во вну-

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-29-07069.

триличностном, так и в межличностном плане. Другое понимание ЭИ представлено в моделях, где ЭИ понимается как черта эмоционально-личностной сферы и фокусируются связи его с личностными чертами (Гоулман, 2013; и др.). Д. Гоулман вносит туда такие личностные характеристики, как эмпатия, саморегуляция и др. (Гоулман, 2013).

В настоящее время установлены определенные эмпирические закономерности, однако дискуссия относительно понимания конструкта ЭИ как когнитивной способности или как личностного свойства осталась открытой.

В российской психологии авторами, ориентированными на развитие идеи единства интеллекта и аффекта, ЭИ включается в структуры единого интеллектуально-личностного потенциала человека, демонстрируя связи как с интеллектом, креативностью, так и с рядом личностных свойств — от отношения к неопределенности до свойств Темной триады (Корнилова, 2016; Красавцева, Корнилова, 2018; Pavlova, Kornilova, 2016).

Опросник Петридеса был выбран нами для валидизации потому, что им была обоснована идея включенности ЭИ в многоуровневые иерархии личности, где-то между высокоспецифичными свойствами у основания и широким общим фактором на вершине (Petrides et al., 2016).

Бар-Он одним из первых исследователей поставил вопрос о возможности измерения ЭИ с помощью самоотчетных методик, акцентируя внимание на их измерительной недостаточности (Bar-On, 2007). Петридес с коллегами предложили измерительный механизм ЭИ как черты, сконструировав для этого опросник TEIQ или «Черты эмоционального интеллекта». «Каждый думает, что он знает, что такое социальный, эмоциональный и креативный интеллект, однако важной задачей эмпирических исследований является рассеивать интуитивные идеи и домашние теории» (Petrides, Furnham, 2001, p. 426). Петридес и Фернхэм предложили различать конструкты ЭИ, подразделяя их на ЭИ как черта и на ЭИ как способность, поясняя, что по обыкновению поведенческие диспозиции и самовосприятие своих способностей измеряется через самоотчеты, в то время как актуальные способности измеряются с помощью других методов (Petrides, Furnham, 2001). Это продуцирует разные результаты, даже если модель при этом хорошо концептуализирована. ЭИ как черта, отмечают авторы, связан и с поведенческими особенностями, и с самовосприятием способности.

Целью данной статьи выступило освещение вопроса о соотношении конструкта эмоционального интеллекта как способности и как черты, включенных в регуляцию процесса принятия решений,

посредством представления нового опросника Петридеса – Фернхе-ма «Черты эмоционального интеллекта» (далее ЧЭИ), а также выявление связей ЭИ с имплицитными теориями эмоций и стилями принятия решений.

Общей *гипотезой* стало предположение о том, что ЭИ может измеряться и как способность, и как черта, где акцент делается на эмоционально-личностной сфере. Учитывая, что разработанный Д. Люсиным опросник ЭИИн также предполагает совмещение понимания ЭИ как способности при измерении ее самоотчетной методикой (Люсин, 2009), мы ожидали получить положительные корреляции между шкалами обоих опросников.

Частными *гипотезами* выступили также предположения о позитивной роли эмоциональной регуляции в продуктивных стилях принятия решений и о связи имплицитных теорий эмоций с эмоциональным интеллектом.

Методика

Схема исследования включала этапы: 1. Проведение русскоязычной версии опросника ЧЭИ на российских выборках для выявления его психометрических характеристик. 2. Выявление связей шкал опросника со стилями ПР, имплицитными теориями эмоций и характеристиками ЭИ.

Участниками исследования по адаптации опросника стали 482 человека; возраст от 17 до 52 лет, из них 378 студентов и 104 аспиранта и лица, получающих второе высшее образование, 168 мужчин ($M = 21,5$ года, $SD = 5,5$ года) и 314 женщины ($M = 22,8$ года, $SD = 5,5$ года). Участники корреляционного исследования: 253 человека, возраст от 17 до 35 лет ($M = 20$ лет, $SD = 3,3$ года), из них 48 аспирантов и 205 студентов, 115 мужчин и 138 женщины. Методики предъявлялись индивидуально и в малых группах.

Психодиагностические методики

Опросник «Черты эмоционального интеллекта» (Petrides, Furnham, 2001). Переводился на русский язык при его перепроверке тремя психологами, владеющими английским языком. Включает 30 пунктов, с 7-балльной оценкой согласия, которые группируются в шкалах: «благополучие», «самоконтроль», «эмоциональность», «социальность».

Мельбрунский опросник принятия решений – МОПР (Корнилова, 2013). Основан на теории конфликта Джениса и Манна, состоит из 22

утверждений и измеряет стили принятия решений. Шкалы: продуктивный копинг «бдительность» и непродуктивные копинги «избегание», «прокрастинация», «сверхбдительность».

Опросник ЭМИн (Люсин, 2009). Опросник состоит из 46 утверждений и охватывает конструкт ЭИ шкалами: МЭИ (Межличностный ЭИ) – Способность к пониманию эмоций других людей и управлению ими; ВЭИ (Внутриличностный ЭИ) – Способность к пониманию собственных эмоций и управлению ими; ПЭ (Понимание эмоций); УЭ (Управление эмоциями); МП (Понимание чужих эмоций); МУ (Управление чужими эмоциями) – Способность вызывать у других людей те или иные эмоции, снижать интенсивность нежелательных эмоций; ВП (Понимание своих эмоций); ВУ (Управление своими эмоциями); ВЭ (Контроль экспрессии) – способность контролировать внешние проявления своих эмоций.

Опросник на имплицитные теории эмоций ИТЭ М. Тамир (Tamir, 2013). Включает 4 пункта, позволяющие выделять шкалы константных и инкрементальных теорий (как представлений о том, что эмоциями нельзя или можно управлять).

Дополнительно фиксировались такие переменные как возраст, пол, образование, семейное положение, рабочий стаж.

Результаты

Психометрические характеристики опросника Петридеса К., Фернхем А. «Черты эмоционального интеллекта». Факторная структура проверялась с помощью эксплораторного и конфирматорного факторного анализа в программе SPSS, EQS 6.2 с использованием робастных характеристик. Наилучшие результаты показала оригинальная четырехфакторная модель. Показатели соответствия оригинальной четырехфакторной модели $SB\chi^2 = 745,2$; $df = 294$; $p < 0,005$, $CFI = 0,681$, $RMSEA = 0,08$. Коэффициент согласованности α Кронбаха составил: $\alpha = 0,77$ для шкалы «благополучие»; $\alpha = 0,67$ – для шкалы «самоконтроль», $\alpha = 0,57$ – для шкалы «эмоциональность», $\alpha = 0,65$ – для шкалы «социальность».

Связи ЭИ по опроснику «ЧЭИ» со шкалами по методикам ЭМИн, МОПР, ИТЭ. При обработке данных и проверке эмпирических гипотез о связи использовались методы, реализованные программой SPSS v. 21, методы описательной статистики, коэффициент корреляции Спирмена, частные корреляции.

Установлены статистически значимые связи таких шкал опросника ЧЭИ, как «благополучие», «самоконтроль», «эмоциональность», «социальность» со всеми переменными опросника Люсина ЭМИн.

Исключение составляют лишь связи шкал «самоконтроль» и «социальность» с «контролем экспрессии».

Шкала «благополучие» по опроснику ЧЭИ положительно коррелирует с ИТ «управляемости эмоций» ($r=0,37$).

Шкала «самоконтроль» по опроснику ЧЭИ отрицательно коррелирует с со всеми тремя непродуктивными стилями ПР: такими как «избегание» ($r=-0,27$); «прокрастинация» ($r=-0,29$); «гипербдительность» ($r=-0,31$).

Обсуждение результатов

Как показали результаты валидизации опросника ЧЭИ, на русскоязычной выборке воспроизводится его оригинальная четырехфакторная структура, включающая факторы «благополучие», «самоконтроль», «эмоциональность», «социальность».

Можно считать верифицированной гипотезу о связи переменных ЭИ по методике ЧЭИ с параметрами ЭИ по методике ЭМИн. Это свидетельствует в пользу конвергентной валидности обоих опросников, хотя они по-разному методологически обосновываются.

Нашли поддержку гипотезы об отрицательной связи непродуктивных стилей ПР, таких как «прокрастинация», «избегание», «гипербдительность» со шкалой «самоконтроль» по методике ЧЭИ, что соотносится с данными предыдущих исследований о роли компонентов ЭИ в регуляции процесса ПР (Красавцева, Корнилова, 2018).

Гипотеза о связи такой характеристики ЭИ, как «благополучие», с имплицитными теориями эмоций также получила свое подтверждение, что говорит о том, что люди, склонные более высоко оценивать себя по шкале ЭИ «благополучие», также имеют и более высокие оценки по имплицитным теориям эмоций.

Установленные связи согласуются с современными данными (Красавцева, Корнилова, 2018; Petrides, Furnham, 2001) и позволяют говорить о том, что конструкт ЭИ можно рассматривать и как черту, и как способность, тем самым задавая более широкий контекст понимания ЭИ в будущих исследованиях и принимая позицию отечественной психологической школы относительно конкретизации принципа неопределенности в психологии, когда различные характеристики интеллектуально-личностного потенциала могут выступать на разных уровнях личностной иерархии (Корнилова 2016), а также позицию зарубежных коллег относительно методологических ориентаций изучения ЭИ (Petrides et al., 2016).

Заключение

Верифицировано предположение о том, что самоотчетные методики ЭМИн Люсина и методика ЧЭИ Петридеса – Фернхема схватывают сходный конструкт ЭИ, который можно рассматривать на уровне черт личности, а также концептуализировать как способность. Установлена позитивная роль эмоциональной регуляции в продуктивных стилях принятия решений. Полученные данные дают возможность принять гипотезу о включенности компонентов ЭИ в регуляцию ПР.

Литература

- Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
- Корнилова Т. В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. СПб.: Нестор–История, 2016.
- Корнилова Т. В. Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 31.
- Красавцева Ю. В., Корнилова Т. В. Эмоциональный и академический интеллект как предикторы стратегий в игровой задаче Айова (IGT) // Психологический журнал, 2018. Т. 39. № 3. С. 29–43.
- Люсин Д. В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям. 2009. С. 264–278.
- Bar-On. The Bar-On Model of Emotional Intelligence: A Valid, Robust and Applicable EI Model 2007 // Organizations & People. 2007. V. 14 (2). P. 27–34.
- Mayer J. D., Salovey P. What is emotional intelligence? // Emotional development and emotional intelligence: Educational implications / Eds P. Salovey, D. Sluyter. N. Y.: Basic Books, 1997. P. 2–21.
- Pavlova E. M., Kornilova T. V. The “Positive Triad” of the regulation of personal choice among creative professionals // Psychology of creativity / Eds G. B. Moneta, E. Rogaten. N. Y.: Nova Science Publishers. 2016. P. 153–166.
- Petrides K. V., Furnham A. Trait Emotional Intelligence: Psychometric Investigation with Reference to Established Trait Taxonomies // European Journal of Personality. 2001. V. 15. P. 425–448.
- Petrides K. V., Mikolajczak M., Mavroveli S., Sanchez Ruiz M.-J., Furnham A., Pérez-González J.-C. Developments in trait emotional intelligence research // Emotion review. 2016. V. 8. № 4. P. 335–341.

Tamir M., John O. P., Srivastava S., Gross J. J. Implicit theories of emotion: Affective and social outcomes across a major life transition // *Journal of Personality and Social Psychology* 2007. V. 92. № 4. P. 731–744.

**Emotional intelligence: trait or ability?
(to the results of the russian language adaptation of the short
version of the questionnaire “Trait emotional intelligence
questionnaire”)**

E. A. Kryukova, M. A. Shestova, T. V. Kornilova

The article presents the validation results for the version of Petrides-Furnham Questionnaire (TEIQue) on the Russian sample (N = 482). The authors consider the problem of understanding EI as an ability or personality trait. A four factor structure was established, similar to the original version. Correlation were also established (n = 253) with coping styles with uncertainty in decision making (Melbourne decision-making questionnaire – MOPR) and implicit theories of emotions – (ITE questionnaire, M. Tamir), which allow us to talk about the positive role of emotional intelligence (EI) in the style and emotional regulation. Positive correlations were found between the characteristics of EI using the TEIQ and EMIN questionnaires, which suggests the possibility of a broader interpretation of EI as a feature, but does not deny the interpretation of EI as an ability.

Keywords: emotional intelligence, decision-making styles, implicit theory of emotion.